УДИВИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ШЕКСПИРА

Эдит Несбит
Удивительные сюжеты Шекспира

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27341720
Удивительные сюжеты Шекспира: Октопус; Москва; 2010
ISBN 978-5-94887-079-3

Аннотация

Двадцать лучших шекспировских пьес в изложении английской сказочницы Эдит Несбит увидели свет в 1907 году и сразу стали одной из любимейших детских книг. Прошло больше века, а «Удивительные сюжеты Шекспира» всё так же популярны. В чём секрет их успеха? Дело в том, что пьесы Шекспира, написанные языком XVII века, – непростое чтение даже для взрослых. А не знать сюжетов шекспировских сочинений по меньшей мере странно. Тут-то на помощь и приходит детская писательница Эдит Несбит, которая пересказала эти сочинения простыми словами и подарила нам увлекательное и занимательное чтение.

Содержание

Предисловие 5
Вильям Шекспир. Краткая Биография 7
Удивительные сюжеты Шекспира для детей 13
Сон в летнюю ночь 13
Буря 31
Как вам это понравится 45
Зимняя сказка 60
Король лир 82
Двенадцатая ночь 95
Много шума из нечего 115
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Эдит Несбит
Удивительные сюжеты Шекспира

© Е. Канищева, Я. Шапиро, перевод, 2009
© Издательство «Октопус», 2009

* * *

Вряд ли будет преувеличением сказать, что из шекспировского наследия можно составить целую систему культурного и экономического знания. Шекспиру подражали все позднейшие авторы, но представляется сомнительным, что в трудах всех его последователей, вместе взятых, наберётся столько же принципов теоретического знания и правил знания практического, сколько дал своей стране один Шекспир.

Сэмюэл Джонсон, английский литературный критик XVIII века

Предисловие

Двадцать лучших шекспировских пьес в изложении английской сказочницы Эдит Несбит увидели свет в 1907 году и сразу стали одной из любимейших детских книг. Прошло больше века, а «Удивительные сюжеты Шекспира» всё так же популярны. В чём секрет их успеха?

Дело в том, что пьесы Шекспира, написанные языком XVII века, – непростое чтение даже для взрослых. А не знать сюжетов шекспировских сочинений по меньшей мере странно. Тут-то на помощь и приходит детская писательница Эдит Несбит, которая пересказала эти сочинения простыми словами и подарила нам увлекательное и занимательное чтение.

Конечно, Несбит, как было принято в викторианскую эпоху, старалась «смягчить и облегчить» сюжеты Шекспира, ограждая детей от нагромождения деталей и от натуралистических подробностей. Нередко рассказчица дает собственные – тоже изрядно «викторианские» – оценки героям пьес. Не обошлось и без перестановки акцентов, исключения второстепенных сюжетных линий; впрочем, так всегда бывает при пересказе литературного произведения.

Работая над русским изданием, мы стремились решить двойную задачу: сохранить викторианский аромат «Удивительных сюжетов Шекспира», но при этом сделать так, чтобы и детям XXI века было интересно. Насколько нам это уда-

лось – судите сами.

Надеемся, что для читателей этой книги первая встреча с Шекспиром не останется единственной и они прочтут пьесы великого драматурга в известных русских переводах, – а может быть, и в оригинале.

Помимо «Удивительных сюжетов Шекспира», в книгу вошли краткая биография Шекспира, словарь произношения имён персонажей и знаменитые шекспировские цитаты. (Отметим, что из многочисленных русских переводов мы выбирали самые узнаваемые цитаты.) Книга проиллюстрирована рисунками английского художника XIX века сэра Джона Гильберта.

Вильям Шекспир. Краткая Биография

В метрической книге приходской церкви Стратфорда-на-Авоне, торгового города в графстве Уорикшир, 26 апреля 1564 года появляется запись о крещении Вильяма, сына Джона Шекспира. Запись сделана на латыни: «Gulielmus filius Johannis Shakspeare». Принято считать, что Вильям Шекспир родился тремя днями ранее, но никаких доказательств этому нет.

Фамилия его писалась по-разному – даже сам Шекспир не всегда писал её одинаково. В записи о крещении указано

«Shakspeare», в некоторых из дошедших до нас собственноручных подписей драматурга она выглядит как «Shakspere», а в первом издании его пьес напечатано «Shakespeare».

Холиуэл[1] подсчитал, что члены семьи Шекспира писали свою фамилию не менее чем тридцатью четырьмя разными способами. В книге записей городского совета Стратфорда, куда входил отец драматурга, его фамилия фигурирует сто шестьдесят шесть раз и в четырнадцати различных вариантах, причём современного («Shakespeare») среди них нет. Отец Шекспира, который одно время занимал пост олдермена (главы городского совета), видимо, не умел писать свою фамилию. Впрочем, ничего постыдного в этом не было: в те времена девять из десяти мужчин довольствовались тем, что вместо подписи ставили значок.

Источники расходятся в вопросе о том, чем зарабатывал на жизнь Шекспир-старший. Одни считают, что он был мясником, другие – что торговал шерстью, третьи называют его перчаточных дел мастером. Не исключено, что он занимался всеми этими ремёслами одновременно или поочерёдно; даже если нельзя с уверенностью назвать его представителем одной из этих профессий, всё равно природа его занятий была такова, что любая из этих гипотез вполне правомерна. Ещё до женитьбы Джон Шекспир владел землёй и сам её обрабатывал, а женившись на Мэри Арден, дочери сквай-

[1] Дж. О. Холиуэл (1820–1889) – библиограф Шекспира. – *Здесь и далее примечания переводчиков и редакторов*.

ра[2], получил в приданое за женой поместье Асбис площадью 56 акров. Вильям был третьим ребёнком в семье. Две его старшие сестры, по всей вероятности, умерли в младенчестве. После Вильяма у Джона и Мэри родились ещё трое сыновей и дочь. Ещё лет десять-двенадцать после рождения Вильяма семья вела безбедное существование. В 1568 году Джон Шекспир был то ли главным судебным приставом, то ли главой магистрата[3] Стратфорда; к тому же тремя годами ранее он занял пост члена городского совета и сохранял его за собой много лет. За это благополучное десятилетие Вильям успел получить лучшее образование, какое только было возможно в Стратфорде. Городская школа была открыта для всех мальчиков; ею, как и всеми грамматическими школами того времени, управляли выпускники университетов, способные передать своим ученикам ту безупречную учёность, что некогда составляла гордость Англии. До нас не дошло документов, подтверждающих, что Шекспир учился в стратфордской школе, однако нет и оснований сомневаться в этом. Отец Шекспира нигде не смог бы найти для сына лучшее образование. Сочинения Шекспира, если читать их непредвзято, не пребывая под влиянием традиционной теории о весьма скромном образовании их автора, изобилу-

---

[2] Сквайр – представитель английского нетитулованного мелкопоместного дворянства.

[3] Магистрат – орган городского управления, выполняющий судейские функции.

ют доказательствами того, что он получил солидные, фундаментальные знания, которые давала грамматическая школа.

На становление юного ума не могло не повлиять и местоположение родного города, окружённого множеством достопримечательностей. В сферу мальчишеского интереса должны были попасть и замечательные древние города Уорик и Ковентри, и грандиозный замок Кенилворт, и развалины знаменитого аббатства Ившем. Да и вдоль его родной реки Авон располагалось предостаточно красивейших мест, тихих деревушек, укромных рощ. Стратфорд, в отличие от многих провинциальных городов, не был отрезанным от мира захолустьем: он стоял на оживлённом тракте, и его рынки привлекали к себе торговцев всевозможными товарами. Так что взгляду будущего поэта и драматурга открывалось достаточно материала для наблюдения.

О жизни Шекспира от рождения до женитьбы в 1582 году на Энн Хатауэй нам не известно ничего определенного; впрочем, и о последующих семи годах мы знаем лишь то, что у Шекспира родилось трое детей; наконец, около 1589 года он появляется в Лондоне в качестве актёра.

Мы не знаем, как долго актёрская профессия была единственным занятием Шекспира, однако более чем вероятно, что вскоре после приезда в Лондон он занялся переработкой старых пьес – с чего, как известно, и началась его литературная карьера. Исправление и улучшение устаревших пьес, не

отвечавших современным требованиям, – дело обычное даже для ведущих драматургов того времени, и Шекспир вскоре зарекомендовал себя как человек в высшей степени подходящий для такого занятия. Когда объём изменений, внесённых в произведение другого автора, становится весьма значительным, то редакторская работа по сути превращается в работу творческую. Именно это мы и находим в нескольких ранних пьесах Шекспира, переделанных из старых пьес.

Нет смысла превозносить на этих страницах труды величайшего в мире драматурга. Исследователи уже сказали о его творчестве всё, что только можно; лучшие умы Англии, Германии и Америки не устают разъяснять его непреходящую ценность.

Шекспир умер в Стратфорде-на-Авоне 23 апреля 1616 года. Его отец скончался раньше, в 1602 году, мать – в 1608-м. Жена Шекспира пережила мужа – её не стало в августе 1623 года. Сын Гамнет умер в 1596 году в возрасте восьми лет. Две дочери Шекспира пережили отца; старшая, Сузанна, в 1607 году вышла замуж за стратфордского врача по фамилии Холл. Единственный ребёнок от этого брака – дочь Элизабет, родившаяся в 1608 году, – вышла замуж за Томаса Нэша, а затем вторым браком за сэра Джона Барнарда; детей у неё не было. Младшая дочь Шекспира, Джудит, 10 февраля 1616 года сочеталась браком со стратфордцем Томасом Куини и родила ему троих сыновей, ни один из которых не оставил потомства. Таким образом, род Шекспира угас.

Актёры, драматурги и другие современники Шекспира, знавшие его лично, были единодушны не только в восхищении его гением, но и в уважении и любви к нему. Бен Джонсон[4] сказал: «Я люблю этого человека, и моё почитание его памяти граничит с преклонением. Он был безупречно честен и обладал открытой и вольной натурой».

Шекспир был похоронен на следующий день после смерти в северной части алтаря стратфордской церкви Святой Троицы. На могиле его лежит плоский камень с эпитафией, которую, как говорят, сочинил он сам:

Друг, ради Господа, не рой
Останков, взятых сей землёй;
Не тронувший блажен в веках,
И проклят – тронувший мой прах[5].

[4] Б. Джонсон (1573–1637) – английский поэт, драматург, актёр; друг Шекспира.

[5] Перевод А. Аникста и А. Величанского.

Удивительные сюжеты Шекспира для детей

Сон в летнюю ночь

В давние времена жили в Афинах Гермия и Лизандр. Они любили друг друга, но отец Гермии пожелал выдать её за дру-

гого – знатного юношу по имени Деметрий; Гермия же противилась.

А в Афинах были жестокие законы, и девушку, которая отказывалась выйти замуж по велению отца, могли предать смерти. Отец Гермии так рассердился на дочь, что отвёл её к афинскому герцогу и потребовал казнить строптивицу. Герцог дал Гермии четыре дня на раздумья: если по истечении этого срока она не согласится стать женой Деметрия, её казнят.

Лизандр, её возлюбленный, был вне себя от горя. Он предложил Гермии бежать из города и спрятаться в доме его тётки, вдали от Афин, там, где не действовали суровые зако-

ны и они могли бы пожениться. Гермия решилась на побег, но прежде чем отправиться в путь, рассказала о задуманном своей подруге Елене.

А Елена когда-то была возлюбленной Деметрия: это было задолго до того, как он захотел взять в жёны Гермию. Как и все ревнивые люди, Елена была глупа: она не могла понять, что если Деметрий разлюбил её и сватается к Гермии, то не Гермия в этом виновата. И вот Елена решила рассказать Деметрию о том, что Гермия собралась убежать из Афин и встретиться с Лизандром в лесу. Тогда Деметрий последует за Гермией, а она, Елена, пойдёт за Деметрием и будет счастлива хотя бы тем, что видит его.

Итак, Елена пошла к Деметрию и выдала ему тайну подруги.

А надо сказать, что лес, куда предстояло отправиться нашим героям, был не простой, а волшебный. В нём обитали эльфы и феи (их в лесах всегда предостаточно, нужно только хорошенько приглядеться). Той самой ночью в волшебный лес прилетели король и королева фей – Оберон и Титания. Хоть феи и мудрые создания, порой они совершают те же глупости, что и простые смертные. Вот и Оберон с Титанией, вместо того чтобы радоваться быстротечному лету, затеяли нелепую ссору Ни одна их встреча не проходила без перебранки: они так ругались, что все их крошечные подданные прятались в шляпках желудей и замирали от страха.

Им бы танцевать друг с другом в лунном свете ночи на-

пролёт, как это заведено у эльфов, – но нет: Оберон с Титанией, разругавшись окончательно, разошлись по дальним уголкам леса. А поссорились они из-за маленького индийского мальчика. Оберону вздумалось сделать ребёнка волшебным пажом в своей свите, но Титания забрала мальчика к себе и отказалась отдавать.

В ту ночь король и королева фей встретились на мшистой опушке, освещённой лунным светом.

– *Не в добрый час я при сиянье лунном*[6]

Надменную Титанию встречаю, – сказал король.

– А, это ты, ревнивец Оберон! – вскричала королева. – Вечно ты всё портишь дурацкими ссорами. Летим прочь, эльфы! Оберон мне больше не друг.

– Ты можешь легко положить конец всем ссорам, – сказал ей король. – Отдай мне малыша, и вновь я стану твоим покорным слугой и почитателем.

– Даже и не проси, – ответила королева. – Ценой всего волшебного королевства ты не купишь у меня ребёнка. Летим отсюда, эльфы!

И Титания вместе со свитой удалилась прочь, скользя по лунному лучу.

---

[6] Из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

– Ну что же, ступай своим путём, – обиженно произнёс ей вслед Оберон. – Но не успеешь ты покинуть этот лес, как я с тобой посчитаюсь!

И Оберон призвал на помощь эльфа Пэка, своего любимца. Этот эльф – дух беспорядка и огорчений. Он проникает в коровник и снимает сливки с молока, забирается в маслобойку и не даёт сделать масло; из-за него скисает пиво; тёмными ночами он сбивает людей с пути, а потом потешается над ними. Едва захочет человек присесть, Пэк выдёргивает из-под него табурет, а как только кто-нибудь соберётся хлебнуть из стакана, маленький проказник плещет ему горячим элем на подбородок…

– Найди мне цветок, который зовётся «любовью в праздности», – велел Оберон своему крошечному слуге. – Если соком этого пурпурного цветка смазать веки спящему, то, проснувшись, он влюбится в первое же существо, которое увидит. Я смажу им веки своей Титании, и она полюбит то,

на что упадёт её взор – *будь то медведь, иль лев, иль волк, иль бык, иль павиан, иль шустрая мартышка.*[7]

Стоило Пэку уйти, как на поляне появился Деметрий. За ним плелась бедняжка Елена; она всё твердила о своей любви и напоминала о былых обещаниях. Деметрий же гнал её прочь, говоря, что не любит её и никогда не полюбит, а прежние обещания давно развеяны по ветру.

Оберон пожалел несчастную Елену. Когда Пэк возвратился с цветком, Оберон велел ему следовать за Деметрием и, когда тот заснёт, смазать ему веки. Проснувшись, Деметрий полюбит Елену и станет глядеть на неё так же влюблённо, как она сейчас глядит на него.

А что же Лизандр и Гермия? К тому времени они уже встретились в лесу, а когда настала ночь, улеглись спать. Спали они поодаль друг от друга. Пэк в поисках Деметрия набрёл на одиноко спящего Лизандра, принял его за Деметрия и смазал ему веки.

Случилось так, что Лизандр, проснувшись, первым делом увидел Елену, которая бродила по лесу в поисках жестокосердного Деметрия. И Лизандр, околдованный соком пурпурного цветка, влюбился в неё и последовал за новой возлюбленной, тотчас забыв свою Гермию. Пэк вернулся к Оберону и сказал, что выполнил приказ. Но Оберон вскоре заметил ошибку Пэка и послал его смазать соком глаза Деметрия.

---

[7] Из перевода М. Лозинского.

Гермия, пробудившись, отправилась искать исчезнувшего Лизандра. Деметрий же, едва открыв глаза, увидел Елену и влюбился в неё. И вот Деметрий и Лизандр неотступно преследуют Елену, и теперь уже Гермия вынуждена догонять своего неверного возлюбленного. В конце концов Гермия затевает ссору с Еленой, а Деметрий и Лизандр идут сражаться на мечах. Оберон, расстроенный таким неожиданным исходом своих добрых намерений, говорит Пэку:

– Эти юноши собираются драться на поединке. Сделай так, чтобы ночное небо заволокло туманом; сбей их с пути, чтобы они не могли найти друг друга. Дождись, пока они выбьются из сил и уснут.

Увидя, что Лизандр во сне глубоком,[8]
Его опрыскай этим травным соком,
Который с глаз снимает заблужденье
И возвращает правильное зренье.
Когда враги проснутся, то сочтут
Бесплодной грёзой всё, что было тут,
И тотчас же воротятся в Афины
Жить в нерушимой дружбе до кончины.

Пэк исполнил всё, что велел ему король: когда Лизандр

[8] Из перевода М. Лозинского.

и Деметрий, так и не отыскав друг друга, выбились из сил и заснули, Пэк смазал соком веки Лизандра и произнёс:

– Пробудись, в неё вглядись,[9]
Прежним счастьем упоённый.
Всяк сверчок знай свой шесток,
Всякий будь с своею милой,
Всяк ездок – с своей кобылой,
А конец – всему венец.

Тем временем Оберон отправился за Титанией. Она любила спать, завернувшись в пятнистую змеиную кожу, на берегу…

…где цветут в избытке[10]
Фиалки, дикий тмин и маргаритки,
И где кругом густой шатёр возрос
Из жимолости и мускатных роз.

Оберон склонился над спящей и смазал ей веки соком, приговаривая:

– Что увидишь, встав от сна,[11]
Тем останься пленена
И томись, любви полна.

---

[9] Из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

[10] Из перевода М. Лозинского.

[11] Из перевода М. Лозинского.

Титания, проснувшись, увидела рядом с собой нелепейшее существо с ослиной головой. Это был один из актёров-любителей, которые пришли в лес репетировать пьесу; в лесу он столкнулся с Пэком, и тот заменил его собственную глупую голову ослиной. Взглянув на жуткое чудище, Титания воскликнула:

– О, что это за ангел? Ты так же мудр, как и хорош собой!

– Эх, вот бы мне хватило мудрости выбраться из этого леса – а большего мне и не надо, – ответил уродец с ослиной

головой.

– Даже и не пытайся покинуть лес! – воскликнула Титания; ей, околдованной любовным соком, нелепый уродец казался прекраснейшим существом на земле. – Я люблю тебя! Останься здесь, со мной! Мои эльфы будут исполнять любые твои желания.

И на зов Титании явились четыре эльфа: Душистый Горошек, Паутинка, Мотылёк и Горчичное Зерно.

– Вот ваш господин: верно служите ему, – приказала королева. – Кормите его абрикосами и ежевикой, пурпурным виноградом, спелым инжиром и шелковицей. Крадите для него мёд у шмелей; пестрокрылыми бабочками отгоняйте лунный свет от его сонных глаз!

– Мы готовы! – хором отвечали эльфы.

– *Любовь моя, здесь на цветы присядь!* – говорит Титания чудищу. – *Я голову поглажу дорогую.*

Дай розами тебя мне увенчать.

Дай уши я большие расцелую.

Дуралею с ослиной головой любовь королевы была ни к чему, зато очень льстило, что ему прислуживают эльфы.

– Где Душистый Горошек? – спрашивает он.

– К вашим услугам!

– Почеши мне голову, Душистый Горошек, – велит он. – А где Паутинка?

– Здесь! – отвечает эльф.

– Убей вон того красного шмеля на верхушке чертополоха и принеси мне его медовый мешочек. А где Горчичное Зерно?

– Здесь!

– А от тебя мне ничего не нужно, – отвечает это нелепое созданье, – только помоги Душистому Горошку меня чесать. Пора мне к цирюльнику, а то лицо у меня что-то обросло шерстью.

– Не желаешь ли ты чего-нибудь съесть? – спрашивает Титания.

– Немного овса, пожалуй, – говорит уродец (его ослиная голова любит ослиную еду), – а потом, может быть, ещё оха-

почку сена.

– Хочешь, мои эльфы принесут тебе свежих орешков из беличьего дупла? – предлагает королева.

– Лучше пригоршню-другую гороха, – отвечает он. – И пусть никто из твоего народца не тревожит меня: я хочу вздремнуть.

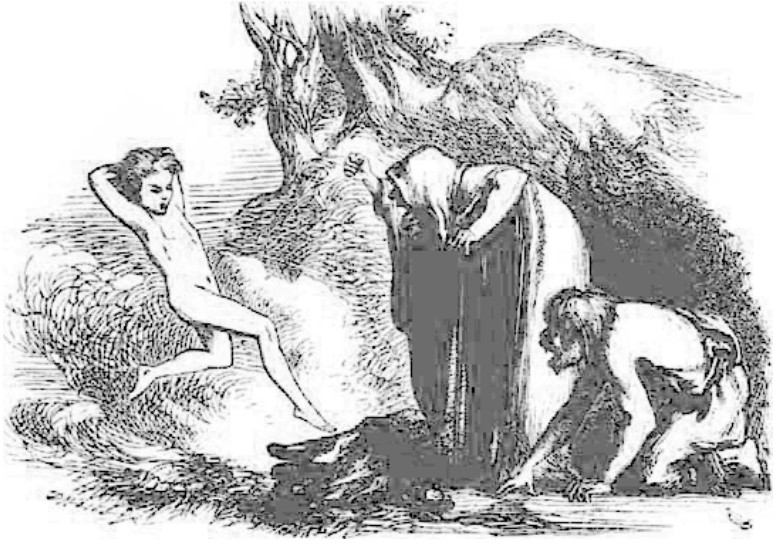
– Спи! Я тебя руками обовью, – отвечает королева.

Тут появился Оберон – и увидел, как его прекрасная жена осыпает ласками и поцелуями дурацкого актёришку с ослиной головой! Поняв, что шутка зашла слишком далеко, Оберон сжалился над Титанией и решил избавить её от наваждения. Но прежде король уговорил жену отдать индийского мальчика, которого так стремился заполучить в свою свиту. Затем он смазал её прекрасные глаза соком цветка, снимающего чары. В тот же миг Титания увидела истинный облик того, которого считала воплощением красоты, и поняла, как глупо себя вела. А Оберон вернул незадачливому актёру его собственную голову, такую же глупую, как ослиная.

И вот всё встало на свои места. Оберон и Титания полюбили друг друга ещё сильнее, чем прежде. Деметрий не думал ни о ком, кроме Елены, а Елена и не переставала любить его. А Гермия и Лизандр были самой нежной парой, какую только можно найти во всей округе и даже в зачарованном лесу.

Влюблённые пары возвратились в Афины и сыграли свадьбы, а король и королева эльфов стали жить в радости и веселье – и свидетелем тому был весь заколдованный лес.

Буря



12

Просперо, герцог Миланский, был человеком учёным, всем сердцем преданным науке. Ему были милы одни лишь книги, а управлять Миланом он поручил своему брату Антонио, которому всецело доверял.

Но Антонио оказался недостойным доверия: он мечтал о герцогской короне и ради неё был готов на всё. Убить бра-

[12] Цитируется перевод М. Донского.

та он не решился, потому что миланцы любили Просперо. И тогда он сговорился со злейшим врагом Просперо, королём Неаполя, и с его помощью захватил герцогский престол, заполучив всю власть, богатство и почёт.

А свергнутого Просперо вывезли в открытое море и посадили в утлую лодку без руля, мачты и парусов. Враги так люто ненавидели Просперо, что отправили вместе с ним на верную смерть его дочь Миранду, которой не было и трёх лет.

Однако среди тех, кому было поручено это дело, нашёлся честный дворянин по имени Гонзало, который пожалел герцога и его дочь и решил помочь им. Он сумел тайно про-

нести в лодку воду, провиант, одежду и самое дорогое для Просперо – его бесценные книги.

Лодку прибило к острову, куда и высадились Просперо с малолетней дочерью, целые и невредимые. То был заколдованный остров: долгие годы он находился во власти злых чар колдуньи Сикораксы. Всех добрых духов, которые жили на острове, колдунья замуровала в стволах деревьев. Сикоракса умерла незадолго до того, как Просперо оказался на острове, но духи, во главе с верховным повелителем Ариелем, остались в своих темницах.

Просперо, пока брат от его имени управлял Миланом, занимался изучением магии и стал великим чародеем. С помощью своего искусства он вызволил пленённых духов, подчинил их своей воле, и они служили ему вернее, чем прежние подданные – миланцы. Просперо мудро и справедливо пользовался своим могуществом и был милостив к духам, выполнявшим его повеления. Лишь с одним существом ему приходилось проявлять суровость: то был Калибан, сын старой злой колдуньи, отвратительное и злобное чудовище, погрязшее в пороке.

Прошли годы, Миранда выросла и стала красивой и доброй девушкой. И вот однажды мимо острова шёл корабль. На нём плыли предатель Антонио, милосердный придворный Гонзало, неаполитанский король Алонзо, его брат Себастьян и сын Фердинанд. Просперо, зная об этом, поднял такую бурю, что даже бывалые мореходы на корабле приготовились

к смерти. Принц Фердинанд первым прыгнул в волны и, как подумалось его отцу, утонул; на самом же деле Ариель помог ему добраться до острова. Всех, кто плыл на корабле, смыло за борт, но они невредимыми выбрались на сушу в разных уголках острова. А корабль, который разбился о скалы на их глазах, Ариель поставил на якорь в бухте. Вот такие чудеса творил Просперо и верные ему духи!

Пока шторм ещё бушевал, Просперо показал дочери корабль, храбро боровшийся с волнами, и сказал, что там есть люди – такие же, как они сами (ведь Миранда с раннего детства не видела никого из людей, кроме отца). Сердце девушки сжалось от сострадания к бедным путешественникам, и она стала умолять отца усмирить бурю.

Просперо успокоил дочь, пообещав спасти всех, кто плывёт на корабле. Тогда-то он впервые поведал ей историю своей прежней жизни. Он признался, что затем и вызвал бурю, чтобы враги, Антонио и Алонзо, оказались в его власти.

Закончив свой рассказ, Просперо погрузил Миранду в сон и вызвал Ариеля, чтобы дать ему задание. Повелитель духов, мечтавший о свободе, стал роптать на свой тяжкий труд. Но когда Просперо, рассердившись, напомнил Ариелю о том зле, которое причинила ему колдунья Сикоракса, и о долге благодарности перед освободителем, дух перестал жаловаться и обещал беспрекословно исполнять все приказы Просперо.

– Послужи мне ещё два дня, и я отпущу тебя на волю, – пообещал ему Просперо.

И он повелел Ариелю принять облик морской нимфы и отыскать юного неаполитанского принца.

Ариель, которого принц Фердинанд не мог увидеть, а только слышал, запел:

– Духи гор, лесов и вод,
Все в хоровод! Утихло море.
В лёгкой пляске, с плеском рук
Сомкните круг, мне дружно вторя!

И Фердинанд последовал за волшебным напевом; напев превратился в торжественный гимн, и от слов этого гимна сердце принца наполнилось горем, а глаза – слезами:

– Отец твой спит на дне морском, Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут.
Он не исчезнет, будет он
Лишь в дивной форме воплощён.
Чу! Слышен похоронный звон!

Этой песней Ариель заманил зачарованного принца туда, где его ждали Просперо и Миранда. А дальше всё вышло так, как и задумал Просперо. Миранда пришла в восторг от юного принца и полюбила его всем сердцем.

– Божественным его б я назвала! – сказала она. *– Нет на*

земле существ таких прекрасных!

– Так вот она, богиня, в честь которой раздавались волшебные напевы! – воскликнул Фердинанд, с благоговением взирая на её красоту.

Фердинанд не скрывал чувств, которые пробудила в нём Миранда; через считанные минуты после первой встречи он поклялся взять девушку в жёны, если она того пожелает. Но Просперо, втайне довольный происходящим, сделал вид, что страшно разгневался.

– Да ты лазутчик! – грозно сказал он. – Ты тайком пробрался на мой остров! Уж я тебя скую цепями, привяжу тебе шею к пяткам! Будешь пить одну морскую воду, есть ракушки да коренья. Ну-ка следуй за мной!

Фердинанд выхватил меч – но Просперо навёл на него чары, и принц застыл подобно каменному изваянию.

Миранда в ужасе умоляла отца сжалиться над её возлюбленным, но непреклонный Просперо отвёл Фердинанда в темницу, а потом заставил таскать и складывать тысячи тяжёлых брёвен. Фердинанд повиновался, считая, что состра-

дание прекрасной Миранды – щедрая плата за его тяжкий труд. Миранда, полная жалости, порывалась помочь ему в трудах, но принц ей не позволил. Он вновь признался ей в любви, и Миранда с радостью в сердце пообещала стать его женой.

Вскоре Просперо освободил Фердинанда и от всей души дал согласие на их брак.

– Бери её в жёны, – сказал он Фердинанду, – она твоя.

Тем временем на другом конце острова Антонио и Себастьян задумали убить Алонзо, короля Неаполя. Они решили, что Фердинанд погиб в море, и, стало быть, после смерти Алонзо трон унаследует его брат Себастьян. Злодеи пытались умертвить Алонзо, пока он спал, но Ариель вовремя разбудил его.

Много шуток сыграл Ариель с врагами Просперо. Однажды он накрыл перед ними роскошный стол, но только они собрались приступить к трапезе, как вдруг раздались громовые раскаты и появился Ариель в виде гарпии, а все яства исчезли. Ариель же произнёс гневную речь, обличая их преступления, и тоже исчез.

Затем Просперо волшебством заманил врагов в рощу близ своей пещеры – не простую, а зачарованную рощу, откуда не было выхода, – и оставил там, дрожащих от страха, пока они не раскаялись в прежних злодеяниях.

Просперо решил в последний раз прибегнуть к магии и больше не заниматься ею:

– Ныне собираюсь я отречься
От этой разрушительной науки.
Сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины,
Куда ещё не опускался лот.

И вот в воздухе разлилась божественная музыка, и Просперо явился в своём истинном облике герцога Миланского. Он простил раскаявшихся врагов и поведал обо всём, что произошло с тех пор, как его с малолетней дочерью отдали на милость ветра и волн. Алонзо раскаивался больше всех и горестно сокрушался о погибшем сыне. Тут Просперо отдёрнул занавес в пещеру – и все увидели Фердинанда и Миранду, игравших в шахматы!

До чего же велика была радость Алонзо! Узнав, что прекрасная девушка, которая сидит напротив Фердинанда за шахматной доской, – дочь Просперо и что молодые люди дали друг другу брачные обеты, Алонзо воскликнул:

– Дайте мне руки! Пусть тот, кто не пожелает вам счастья, скорбит всю жизнь!

И вот близится счастливый конец. Корабль, готовый к отплытию, стоит в бухте, и на следующий день все отправятся на нём в Неаполь, где Фердинанд и Миранда заключат брачный союз. Ариель пошлёт им спокойное море и благоприятный ветер, и много радости будет на свадебном пиру.

Просперо вернулся в своё герцогство, и подданные встретили его с восторгом. Он больше не занимался волшебством, но и без того был счастлив: ведь он не только вернул утраченное, но и великодушно простил врагов, оказавшихся в его власти.

Ариель обрёл свободу и стал вольным, как ветер; он лета-

ет где хочет и с радостным сердцем поёт:

– Буду я среди лугов
Пить, как пчёлы, сок цветов,
Ночью лютик даст мне кров,
Там засну под крики сов;
Чуть зари услышу зов –
К ней помчусь быстрей ветров.
Радостной, радостной жизнью свободы
Буду я жить средь цветущей природы.

Как вам это понравится

Некогда жил на свете герцог по имени Фредерик. Этот Фредерик захватил трон, по праву принадлежавший его брату, а самого брата изгнал. Герцог-изгнанник отправился в Арденнский лес и стал вольным стрелком, как отважный Робин Гуд из Шервудского леса в старой доброй Англии. А его дочь Розалинда осталась при дворе, потому что не могла расстаться с Селией, дочерью Фредерика: кузины Селия и Розалинда любили друг друга сильней, чем родные сёстры.

Однажды Розалинда и Селия пришли посмотреть состя-

зание в борьбе, проходившее при дворе герцога. Все были уверены, что победит прославленный борец Шарль: мало кто оставался в живых после поединка с ним. На сей раз бороться с Шарлем предстояло юноше по имени Орландо. На вид он был юн и хрупок, и Селия с Розалиндой не сомневались, что ему суждено погибнуть от руки Шарля. Они принялись отговаривать Орландо от опасной схватки. Однако смельчак только укрепился в решимости победить Шарля и заслужить благосклонность прекрасных дам.

Орландо лишился законного наследства, как и отец Розалинды, по вине брата. Вероломство брата сокрушило дух Ор-

ландо; пока он не повстречал Розалинду, ему было всё равно, жить или умереть. Но встреча с этой прекрасной девушкой придала ему сил и храбрости; он сражался как лев и под конец схватки так бросил Шарля оземь, что тот остался лежать без чувств. Герцог Фредерик, восхищённый отвагой юного борца, спросил, как его зовут.

– Я Орландо, младший сын покойного Роланда де Буа, – ответил юноша.

Роланд де Буа был добрым другом изгнанного герцога, и Фредерик, с досадой выслушав ответ, ничем не наградил Орландо. Розалинда же обрадовалась, что юный красавец оказался сыном старинного друга её отца. Все придворные ушли вслед за герцогом, а она вернулась сказать храбрецу доброе слово на прощание.

– Возьмите это на память обо мне, благородный юноша, – сказала Розалинда, снимая с шеи цепочку. – Я одарила бы вас щедрее, но, увы, я бедна.

Подруги, оставшись наедине, заговорили о смельчаке, и Розалинда призналась, что полюбила его с первого взгляда.

– Ну, полно тебе, – сказала Селия. – Умей бороться со своими чувствами.

– Мои чувства стали на сторону лучшего борца, чем я, – ответила ей Розалинда. – Но смотри, сюда идет герцог.

– И глаза его пылают гневом, – добавила Селия.

Герцог подошёл к Розалинде и приказал:

– Немедленно покинь мой двор!

– Но почему? – опешила она.

– Не смей задавать вопросов! – ответил герцог. – Отправляйся в изгнание. И если через десять дней ты окажешься ближе чем в двадцати милях отсюда, то умрёшь.

Итак, Розалинда уходит в Арденнский лес искать отца, герцога-изгнанника, а вместе с ней, сбежав от своего отца, герцога Фредерика, отправляется и преданная подруга Селия.

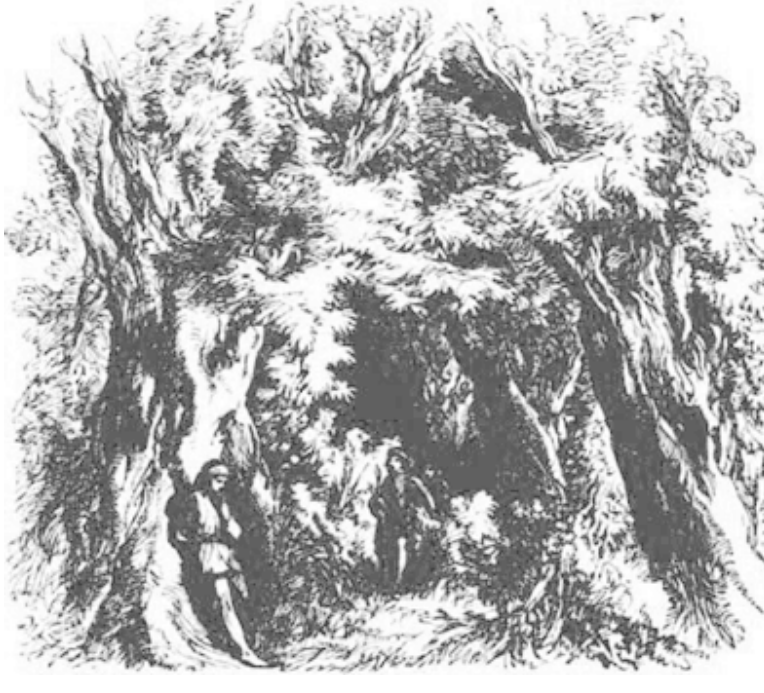
Собираясь в опасное путешествие, девушки решили изменить внешность: Розалинда, которая была повыше, переоделась крестьянином, а её кузина – деревенской девушкой. Розалинда стала зваться Ганимедом, а Селия – Алиеной.

И вот, усталые и голодные, они добрались до Арденнского леса и присели на траву отдохнуть. Ганимед попросил у проходившего мимо крестьянина что-нибудь поесть. Тот накормил их, а заодно рассказал, что неподалёку продаются дом и стадо овец. Подруги купили и дом, и стадо – и зажили в лесу как пастух и пастушка.

Вскоре юному Орландо тоже пришлось уйти в лес – после того как старший брат Оливер попытался его убить. В лесу Орландо встретил герцога-изгнанника и остался в его свите. Влюблённый юноша только и думал, что о Розалинде. Бро-

дя по лесу, он вырезал её имя на деревьях и развешивал на кустах любовные сонеты. И эти сонеты не раз попадались на глаза Розалинде и Селии.

Однажды Орландо встретил девушек в лесу. Он не узнал переодетую Розалинду, но ему приглянулся миловидный пастушок, чем-то похожий на его любимую.



– Тут есть один влюблённый дурачок, который бродит по

лесам и развешивает сонеты на деревьях, – сказала Розалинда. – Встреть я его, он бы у меня быстро излечился от любовной лихорадки.

Когда Орландо признался, что влюблённый дурачок – это он, мнимый Ганимед предложил ему свой способ лечения:

– Приходите ко мне каждый день! Я притворюсь вашей Розалиндой, буду капризной и своенравной, как положено женщинам, и в конце концов вам станет стыдно за ваши любовные безумства.

И вот Орландо стал по утрам приходить к Ганимеду и говорить нежные слова, которые хотел бы сказать Розалинде; а она втайне радовалась, что слова любви достаются той, кому и предназначены. Так пролетело много радостных дней.

Однажды утром Орландо, как всегда, отправился к Ганимеду. Вдруг он увидел, что на траве спит человек, а рядом с ним припала к земле львица, готовая разорвать его, как только он проснётся (говорят, что львы не трогают спящую добычу). Орландо вгляделся в спящего – и вдруг узнал в нём своего брата Оливера, того самого, который злодейски хотел его погубить! Благородный Орландо вступил в схватку с львицей и убил её.

Пока Орландо сражался с львицей, Оливер проснулся и увидел, что брат, которого он лишил наследства и пытался лишить жизни, спасает его от дикого зверя, рискуя собой. Тогда Оливер горько раскаялся, попросил у Орландо прощения, и с тех пор братья снова стали друзьями.

Львица сильно поранила руку Орландо; из-за боли он не смог навестить своего приятеля-пастушка и потому послал к нему брата. Оливер отправился к Ганимеду и Алиене и рассказал им обо всём.

Алиена была восхищена тем, как мужественно Оливер признал свою вину, и тут же влюбилась в него. Розалинда же, услышав, что Орландо подвергся смертельной опасности, лишилась чувств. Очнувшись, она смущённо произнесла:

– По совести говоря, мне бы следовало родиться женщиной!

И, надо заметить, это было очень близко к истине.

Оливер вернулся к брату и сказал:

– Я полюбил Алиену всей душой! Поэтому я принял решение: я женюсь на ней, останусь в этом лесу и буду вести жизнь простого пастуха, а тебе отдам все свои владения.

– Назначим вашу свадьбу на завтра, – решил Орландо. – Я приглашу герцога с друзьями.

Встретившись с Ганимедом, Орландо рассказал о завтрашней свадьбе брата и добавил:

– *Боже, как это горько – видеть счастье только чужими глазами!*[13]

На это Ганимед ответил:

– Если вы любите Розалинду всем сердцем, то обвенчаетесь с ней тогда же, когда ваш брат женится на Алиене.

Настало утро, и все собрались на свадебное торжество: Оливер с Алиеной, Орландо, Ганимед, герцог-изгнанник со своей свитой. И тут Ганимед вдруг спросил у герцога:

– Ваша светлость, если бы вы вновь обрели Розалинду, вы бы отдали её за Орландо?

– *Да, если б даже отдавал с ней царство*[14], – ответил герцог.

– А вы готовы взять Розалинду в жены? – спросил Ганимед у Орландо.

– *Да, если б даже был царём всех царств!* – воскликнул тот.

Тогда Ганимед и Алиена (но мы-то знаем, что это были Розалинда и Селия!) попросили подождать их и ненадолго удалились. А когда они вернулись, на Розалинде было нарядное женское платье.

---

[13] Из перевода В. Левика.

[14] Из перевода Т. Щепкиной-Куперник.

– *Я ваша и вверяюсь вам навек*[15], – сказала она отцу.

– Если мне не изменяют глаза, ты – дочь моя! – воскликнул герцог.

Затем она повернулась к Орландо:

– *Я ваша и вверяюсь вам навек.*

– Если мне не изменяют глаза, ты – моя Розалинда! – промолвил изумлённый Орландо.

– Я счастлива, что вы – отец мне! – сказала Розалинда герцогу.

– Я счастлива, что вы мой муж! – повторила она, обращаясь к Орландо.

Так Орландо взял в жёны Розалинду, а Оливер – Селию.

[15] Из перевода В. Левика.

А что же герцог-злодей Фредерик? Когда Селия покинула его, бежав с Розалиндой, он отправился на поиски дочери. На пути ему встретился святой отшельник, который открыл

Фредерику глаза на то, как низко и подло тот поступал. Тогда герцог раскаялся, вернул трон брату, а сам ушёл в монастырь замаливать грехи. А Орландо с Розалиндой и Оливер с Селией вернулись вместе с законным герцогом в его владения и стали жить дружно и счастливо.

Но это было позже – а в тот день был устроен свадебный пир и гуляние на мшистых лесных лужайках. В тот же день обвенчались ещё две пары, друзья наших героев, и началось в зелёном лесу такое веселье, какого не увидишь в городских каменных стенах.

Зимняя сказка

16

В давние времена Сицилией правил король Леонт, а Богемией – его лучший друг король Поликсен. В детстве они были неразлучны, а возмужав, расстались и отправились каж-

---

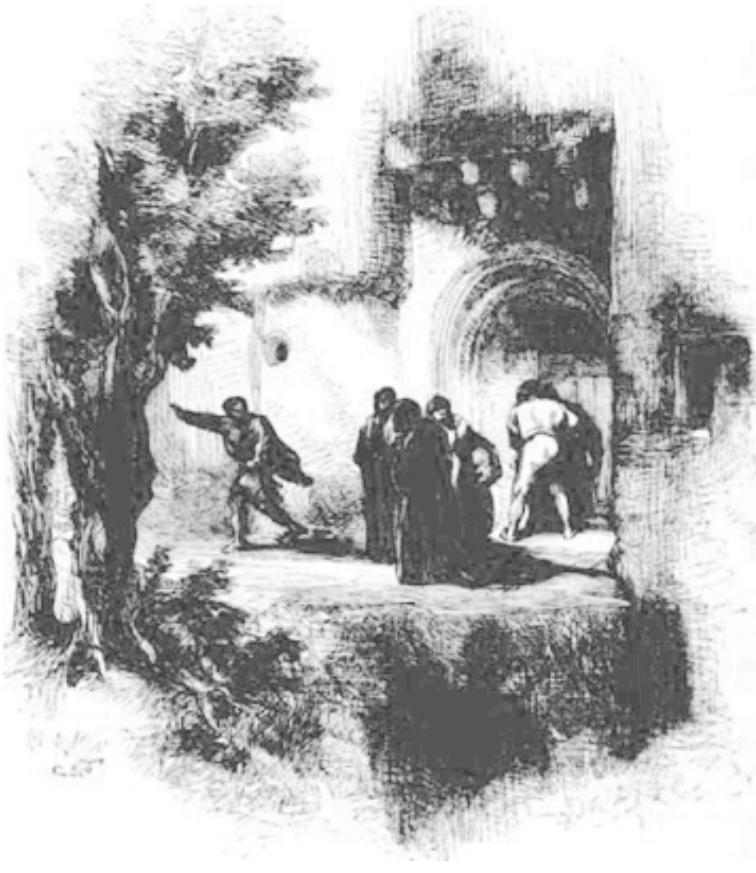
[16] Имена персонажей – из перевода В. Левика. *Гермиона – целомудренна …* – Из перевода В. Левика. «…на берегу Богемии…» – Ошибка Шекспира: у Богемии (территории, на которой сейчас находится Чехия) нет побережья. *Ещё такой красотки не бывало… ‹…›Клянусь, она царица творога и сливок!* – Из перевода Т. Щепкиной-Куперник. *Ей равной…* – Из перевода П. Гнедича.

дый в своё королевство.

Прошло много лет. Леонт и Поликсен нашли себе жён, у обоих родились сыновья. И вот наконец Поликсен приехал на Сицилию, чтобы повидаться с Леонтом после долгих лет разлуки.

А Леонт, надо заметить, был человеком вспыльчивым и неумным. Ему вдруг померещилось, что его жена Гермиона влюбилась в Поликсена, а тот отвечает ей взаимностью. Раз уж Леонт вбил себе это в голову, разубедить его было невозможно. И он приказал своему придворному отравить Поликсена – влить ему яд в кубок с вином. Придворный (звали его

Камилло) пытался отговорить Леонта от этого злодейства, но видя, что все его усилия напрасны, притворился, будто готов исполнить приказ. Однако вместо того чтобы отравить Поликсена, Камилло открыл ему замысел Леонта. В тот же день они вместе бежали с Сицилии в Богемию; Камилло остался при дворе Поликсена и сделался его советником и другом.



Жену свою Гермиону Леонт бросил в тюрьму, и там она вскоре родила дочь. Паулина, подруга опальной королевы, красиво нарядила девочку и понесла показать королю. Она надеялась, что при виде беззащитной крошки отцовское

сердце смягчится и Леонт сжалится над Гермионой, которая ничем не провинилась перед мужем и любила его куда сильнее, чем он заслуживал. Но Леонт не пожелал даже взглянуть на дочь. Вместо этого он приказал Антигону, мужу Паулины, отвезти дитя на корабле в самое пустынное и дикое место, какое только найдётся, и бросить на произвол судьбы. Антигону пришлось поклясться, что он исполнит королевскую волю.

Леонт послал гонцов в храм Аполлона, чтобы спросить оракула, верны ли его подозрения. Однако у него не хватило

терпения дождаться возвращения посланников, и он устроил суд над несчастной королевой. Леонт обвинил её в том, что она изменила законному супругу с Поликсеном. Суд уже готов был вынести обвинительный приговор, когда возвратились посланцы с ответом оракула. Ответ был таков: *«Гермиона – целомудренна. Поликсен – безвинен. Камилло – верный слуга. Леонт – ревнивый тиран. Его невинное дитя – законно. У короля не будет наследника, покуда не найдётся утраченное»*.

В этот самый миг в зал суда вбежал слуга и сообщил, что умер единственный сын Леонта и наследник сицилийского престола. (Принц скончался от горя, не в силах видеть, как несправедливо и жестоко обошёлся с матерью отец.) Услышав это, несчастная королева упала без чувств.

Лишь теперь король начал понимать, что он натворил! Он велел Паулине и фрейлинам унести королеву и сделать всё для её спасения. Но вскоре Паулина вернулась с горестной

вестью: Гермиона тоже умерла.

Леонт окончательно осознал всю меру своего безрассудства. Его жена и сын умерли, осталась только дочь – и ту он

отдал на съедение волкам и хищным птицам! Жизнь потеряла для него всякий смысл, и безутешный Леонт много лет провёл в покаянных молитвах.

Новорождённую дочь Леонта оставили на берегу Богемии – того самого королевства, где правил Поликсен. Леонт об этом не узнал, потому что Антигон так и не вернулся домой: на него напал медведь, когда он, выполнив приказ короля, спешил обратно на корабль.

Несчастное брошенное дитя нашёл пастух. Девочка была укутана в материнскую мантию, там же лежали деньги и драгоценности, а в приколотом к мантии письме говорилось, что ребёнок – дочь знатных родителей и зовут её Утрата.

Пастух, человек добросердечный, взял малютку домой и вырастил как собственную дочь. Училась она не больше, чем полагалось дочери простого пастуха, но, унаследовав от своей благородной матери грацию, учтивость и очарование, заметно отличалась от других деревенских девушек.

Однажды принц Флоризель, сын доброго короля Богемии, охотился неподалёку от домика пастуха и увидел Утрату, которая к тому времени стала настоящей красавицей. Принц горячо полюбил прекрасную Утрату и стал видеться с ней почти каждый день. Он свёл знакомство с пастухом, её приёмным отцом, но скрыл от него своё имя и происхождение.

Король Богемии не мог понять, где так часто пропадает его сын, и велел проследить за ним. Слуги донесли Поликсену, что наследник престола влюбился в простую пастушку. Поликсен захотел убедиться в этом; вдвоём с верным Камил-

ло, переодевшись, они отправились к хижине старого пастуха.

В деревне, где как раз отмечали праздник стрижки овец, гостей ждал радушный приём. Все плясали до упаду, юноши покупали своим избранницам ленты, перчатки и кружева…

Флоризель и Утрата не веселились вместе со всеми, а тихо беседовали в сторонке. Поликсен заметил очаровательные манеры и красоту Утраты, но и помыслить не мог, что это потерянная дочь его старого друга Леонта.

– Ещё такой красотки не бывало
В глуши полей; её слова, поступки –

Всё веет высшим благородством, странным
В таких местах, – удивился король.
– *Клянусь, она царица творога и сливок!* – отозвался Камилло.

Флоризель, не узнавший переодетых отца и Камилло, попросил их быть свидетелями на его помолвке с прекрасной пастушкой. Тут-то Поликсен и предстал в своём настоящем облике. Он запретил сыну жениться на пастушке, угрожая убить Утрату и её старого отца-пастуха, если она ещё хоть раз увидится с Флоризелем. Затем король удалился, а Камилло, которому так понравились манеры и поведение девушки, остался, чтобы дать ей добрый совет.

Дело в том, что Камилло мечтал вернуться на Сицилию

и вновь увидеть своего прежнего повелителя; он знал, что Леонт горько сожалеет обо всём, что натворил в умопомрачении. И вот Камилло предложил влюблённой паре бежать на Сицилию и просить покровительства Леонта. Флоризель и Утрата последовали его совету; старый пастух, страшась королевского гнева, тоже отправился на Сицилию, взяв с собой всё, что когда-то нашёл рядом с малышкой: драгоценности, одежду и письмо, которое было приколото к мантии.

Король Леонт радушно встретил Флоризеля и его невесту. Он был очень любезен с сыном старого друга, однако не мог отвести глаз от Утраты. Видя, как она похожа на покойную Гермиону, он безутешно твердил:

– Моя дочь могла бы стать таким же чудесным созданием, если бы я в своей жестокости её не отослал.

Узнав, что дочь короля по его приказу в младенчестве отвезли в неизвестную страну и оставили на пустынном берегу, старый пастух вдруг подумал, что его Утрата и есть та самая пропавшая принцесса! Он поведал королю Леонту ту давнюю историю, а в доказательство своих слов предъявил драгоценности и письмо. Король пришёл в неописуемый восторг и щедро наградил доброго пастуха.

А что же король Богемии Поликсен? Как и предполагал Камилло, он поспешил на Сицилию вслед за сыном, чтобы помешать ему жениться на Утрате (и, конечно, взял Камилло с собой). Но, узнав, что простая пастушка оказалась принцессой и дочерью его старого друга, Поликсен с радостью дал благословение на этот брак.

Однако даже счастливое обретение Утраты не утешило Леонта. Он по-прежнему винил себя в смерти жены, которая могла бы сейчас вместе с ним радоваться счастью их дочери. Леонт вновь и вновь повторял в тоске: «О Гермиона!», целовал Утрату и её жениха, принца Флоризеля, просил прощения у Поликсена, благодарил старого пастуха за всё, что тот

сделал для его дочери…

И тут к Леонту обратилась Паулина, к которой король все эти годы был особенно добр, помня о её привязанности к покойной Гермионе.

– У меня есть статуя королевы, над которой много лет трудился великий итальянский скульптор Джулио Романо, – сказала Паулина. – Она стоит у меня в доме, в отдельной нише. После смерти Гермионы я захожу туда по несколько раз на дню. Не желает ли ваше величество взглянуть на статую?

Леонт, Поликсен, Флоризель и Утрата в сопровождении Камилло и придворных отправились в дом Паулины. И вот перед ними тяжёлый пурпурный занавес. Взявшись за его край, Паулина произнесла:

– Ей равной
При жизни не было, и после смерти
Её изображенье превосходит
Созданье рук людских; его храню я
Особо от других, вот здесь. Готовьтесь
Увидеть то, что более похоже
На жизнь, чем сон на смерть. Вот это чудо.

С этими словами она отдёрнула занавес. Король впился взором в прекрасную статую покойной жены, не в силах вымолвить ни звука.

– Я высоко ценю ваше молчание, – сказала Паулина. – В нём больше изумления, чем в словах. Но отвечайте – похожа

ли она?

– Вылитая Гермиона! – ответил потрясённый король. – Но в жизни она была моложе, у неё не было морщин.

– О да! – согласился Поликсен.

– В этом отразилось искусство скульптора, – ответила Паулина. – Он изобразил её такой, какой она была бы теперь.

Леонт всё никак не мог оторвать глаз от статуи.

– Если б я знала, государь, – сказала Паулина, – что бедное изваяние вас так взволнует, то никогда бы его вам не показала.

– Не закрывай завесы, – только и мог вымолвить Леонт.

– Довольно, не смотрите так пристально, не то вам придёт в голову, что она движется.

– Пусть! Пусть! – воскликнул король. – Смотри, она как будто дышит!

– Нет, лучше уж я задёрну занавес, – сказала Паулина, – а то вам покажется, что статуя жива.

– Ах, Паулина, – ответил Леонт, – жаль, что мне так не казалось все минувшие годы!

– Если вы выдержите такое потрясение, я заставлю статую спуститься вниз и взять вас за руку, – сказала Паулина. – Но я боюсь, что вы сочтёте это колдовством.

– Делай всё что угодно – я буду только счастлив, – ответил король.

И вот, к изумлению присутствующих, статуя сходит с по-

стамента, спускается по ступенькам и обнимает короля, а он в ответ обнимает и целует её – ведь это вовсе не статуя, а живая, настоящая Гермиона, его королева! Все эти годы она тайно жила в доме Паулины, не открываясь мужу: она знала, что Леонт раскаивается, но не могла простить ему потери новорождённой дочери.

Теперь, когда Утрата нашлась, Гермиона простила мужа, и они вновь стали одной семьёй. Наградой Леонту за долгие годы раскаяния стал тот миг, когда он вновь заключил любимую жену в объятия.

А Флоризель и Утрата сыграли свадьбу и жили вместе долго и счастливо.

Король лир

17

В давние времена в Англии царствовал король Лир. Он был стар, устал править королевством и желал лишь одного: спокойно прожить остаток своих дней рядом с тремя любимыми дочерьми. Две из них уже были замужем: одна за герцогом Альбанским, другая за герцогом Корнуэльским, а

[17] *Мою любовь словами не опишешь…* – Из перевода О. Сороки.Далее цитируется перевод Б. Пастернака.

на руку и сердце младшей дочери претендовали герцог Бургундский и король Французский. Лир созвал дочерей и объявил, что намерен разделить королевство между ними.

– Но сначала, – сказал он, – я хочу узнать, насколько велика ваша любовь ко мне.

Старшая дочь, Гонерилья, – злая, порочная и вовсе не любившая отца – ответила так:

– Мою любовь словами не опишешь.
Я вас люблю, как жизнь с её красой,
Свободой, властью, почестью, здоровьем.
Вы мне дороже глаз, дороже всех
Сокровищ и чудес. Такой любовью
Ещё любимы не были отцы.

– Я люблю вас так же, как моя сестра, и даже ещё больше, – сказала вторая дочь, Регана, – мне ничего не нужно, кроме как любить вас.

Лир остался доволен признаниями Реганы. Наконец он обернулся к младшей дочери, Корделии:

– Ну, моя радость – меньшая по возрасту, но не по силе отцовской любви: ведь тебе я оставил лучшую часть королевства. Что скажешь мне ты?

– Ничего, государь, – ответила Корделия.

– *Из ничего не выйдет ничего*, – предостерёг отец. – Подумай и скажи ещё раз.

И Корделия сказала:

– Я вас люблю, как долг велит, – не больше и не меньше.

Корделия не могла ответить иначе: ей было противно слышать, как сёстры клянутся в любви к престарелому отцу, на самом деле не испытывая к нему даже простой благодарности.

– Я ваша дочь, – сказала она, – вы меня растили и любили. Я в благодарность плачу вам тем же: люблю вас, слушаюсь и уважаю.

Лир, который любил Корделию больше других дочерей, расстроился и обиделся, – ведь от неё он ждал ещё более возвышенных слов, чем от её сестёр.

– Тогда ступай прочь с глаз моих! – крикнул он. – Вырываю тебя из сердца навеки!

Граф Кентский, один из достойнейших придворных и военачальников Лира, встал на защиту Корделии, но король не

пожелал его слушать. Он разделил королевство между Гонерильей и Реганой, а сам решил жить у них поочерёдно, оставив себе лишь свиту из сотни рыцарей.

Герцог Бургундский, узнав, что Корделия лишилась доли в королевстве, отказался просить её руки. Но французский король оказался мудрее.

– Твоя дочь-бесприданница станет моей королевой и королевой всей Франции, – сказал он.

– *Она твоя, король. Иди с ней прочь,* – ответил непреклонный Лир. – *Нам с ней не жить. Она не наша дочь.*

Так Корделия стала французской королевой, а граф Кентский, который осмелился заступиться за неё, был изгнан из королевства.

Король Лир поселился у старшей дочери. Гонерилья, получив от отца всё, о чём только могла мечтать, теперь досадовала даже на то, что у Лира осталась сотня рыцарей. Она вела себя с отцом непочтительно и сурово, слуги её не желали выполнять приказы короля или делали вид, будто не слышат их.

Тем временем бедный изгнанник граф Кентский притворился, что отправляется в другую страну, а сам переоделся простолюдином и пришёл наниматься слугой к Лиру. Теперь рядом с королём было два преданных друга: верный шут и Кент, которого Лир не узнал и взял в услужение.

Через некоторое время Гонерилья бессовестно заявила отцу, что его рыцари устраивают при её дворе разгул и буй-

ство, и потребовала у Лира:

– Извольте распустить часть вашей свиты.
Оставьте малое число людей,
Которые не будут забываться
И буйствовать.

– Рыцари из моей свиты знают, в чём их долг, и дорожат своею честью, – гневно ответил отец. – Не буду больше жить у тебя, Гонерилья! У меня есть и другая дочь!

Лир велел своей свите седлать лошадей, и они отправились в замок Реганы. Но вторая дочь, которая недавно превзошла сестру в клятвах любви к отцу, теперь превзошла её

и в неблагодарности. Регана заявила, что даже пятьдесят рыцарей свиты – слишком много, а Гонерилья (которая тоже поспешила к Регане, опасаясь, что сестра окажется добрее к старому отцу, чем она сама) сказала, что много будет и пятерых – о Лире вполне позаботятся её собственные слуги.

Только теперь Лир понял, что не нужен дочерям, что они хотят от него избавиться, – и ушёл в грозовую ночь.

Грохотала буря, а старик-король, ополоумев от горя, бродил по вересковой пустоши, и рядом с ним был только лишь его шут. Граф Кентский нашёл Лира и уговорил зайти в жалкую лачугу и прилечь отдохнуть. На рассвете верный Кент проводил Лира в Дувр и поспешил известить обо всём случившемся французского короля и его жену, Корделию.

Король отпустил Корделию в Англию, послав вместе с ней своё войско. Оно высадилось близ Дувра и расположилось в палаточном лагере.

Бедного Лира, который скитался по полям в короне из крапивы и сорных трав, привели в палаточный лагерь, накормили и переодели. Когда Корделия пришла к отцу, стала обнимать и целовать его, Лир попросил у неё прощения:

– *Не будь со мной строга.*

Прости. Забудь. Я стар и безрассуден.

Теперь он наконец-то понял, которая из дочерей любила его по-настоящему и была достойна отцовской любви.

Тем временем Гонерилья и Регана объединили свои силы, чтобы разбить войско Корделии, – и им это удалось. Корделия и её отец были захвачены и брошены в темницу. Лишь теперь муж Гонерильи герцог Альбанский – достойный человек, который прежде не видел всей порочности жены, – узнал позорную правду о ней. Гонерилья же, когда стала известна вся мера её безнравственности, покончила с собой, но прежде отравила смертоносным ядом Регану.

Перед смертью преступные сёстры передали в тюрьму приказ умертвить Корделию. Узнав об этом, герцог Альбанский сразу же послал в темницу гонцов, но те не успели помешать убийству.

И вот старый король приносит в палатку герцога Альбанского бездыханное тело любимой дочери.

– *Тебя навек не стало,*

Навек, навек, навек, навек, навек! – в глубочайшем горе произносит он – и умирает с Корделией на руках.

Двенадцатая ночь

18

Орсино, герцог Иллирийский, был влюблён в прекрасную

[18] *Себя к плывущей мачте привязал…* – Из перевода Э. Линецкой.…*по крови и по нраву благородный…* – Из перевода Д. Самойлова.*И я теперь все дочери отца…* – Из перевода Д. Самойлова.*К вам герцога слезу…* – Из перевода Д. Самойлова.*Я тысячу смертей готов принять…* – Из перевода А. Кронеберга.*Вы это мне? Я ничего не знаю…* – Из перевода Д. Самойлова.Далее цитируется перевод М. Лозинского.

графиню Оливию. Он любил её преданно, но безнадёжно: Оливия отвергала его чувства. А когда скончался её брат, графиня перестала пускать в свой дом даже посланцев Орсино. Она передала герцогу, что отныне целых семь лет даже небо не увидит её лица: она будет носить вуаль, как монахиня, – в память об умершем брате, образ которого никогда не померкнет в её сердце.

Герцогу, страдавшему от неразделённой любви, нужен был наперсник – человек, которому он мог бы вновь и вновь рассказывать о своих сердечных муках. И случай привёл к нему такого человека.

У иллирийского побережья разбился большой корабль. Среди тех, кому посчастливилось выбраться на берег живым, были капитан и молодая красивая девушка по имени Виола. Впрочем, она не радовалась счастливому спасению из морских волн: на корабле вместе с ней плыл её брат-близнец Себастьян, и судьба его оставалась неизвестной. Виола очень любила брата; они были так похожи, что если бы не одежда, их можно было бы спутать. Капитан, утешая Виолу, призвал её не терять надежды: – Я видел, как ваш брат

Себя к плывущей мачте привязал
И, оседлав её, поплыл по морю.

Узнав, что они попали в Иллирию, где правит молодой герцог Орсино, *по крови и по нраву благородный,* Виола ре-

шила переодеться мужчиной и поступить к нему в услужение.

Герцог взял её на службу, и Виола стала пажом по имени Цезарио. День за днём она выслушивала печальную повесть Орсино о его безответной любви. Сначала она ему просто сочувствовала, но со временем сочувствие переросло в любовь.

Однажды герцогу пришло в голову послать Цезарио к Оливии, чтобы тот попробовал уговорить её выйти замуж за Орсино. Виола помимо своей воли отправилась выполнять это поручение.

Она явилась в дом Оливии, но дворецкий Мальволио, человек тщеславный и вздорный («с больным самолюбием», по словам его госпожи), не пустил посланца герцога на порог.

Мнимый Цезарио не пожелал смириться с отказом и поклялся произнести свою речь перед графиней, чего бы то ни стоило. Оливия заинтересовалась посланцем, который не пожелал повиноваться её приказам, и захотела на него взглянуть:

– Ну что ж, послушаем ещё одного посланника Орсино, – сказала она.

Виолу впустили к графине. Та отослала слуг, терпеливо выслушала упрёки в жестокосердии, которыми дерзкий паж осыпал её от имени герцога, – и внезапно влюбилась в мнимого Цезарио. Когда он ушёл, Оливии захотелось одарить его каким-нибудь знаком любви. Она вызвала Мальволио:

– Этот дерзкий посланец оставил здесь перстень. Догони и верни – мне он не нужен. – С этими словами она вручила Мальволио свой собственный перстень.

Мальволио догнал пажа и отдал ему перстень. Виола, не оставлявшая никакого перстня, с женской проницательностью поняла, что Оливия влюбилась в неё. Возвращаясь во дворец герцога, она думала о неразделённой любви, выпавшей на долю её возлюбленного, её самой, а теперь ещё и Оливии.

Когда Цезарио вернулся к герцогу Орсино, тот слушал музыку, пытаясь унять душевную боль.

– Ты ведь тоже влюблён, не так ли? – сказал герцог той, кого принимал за пажа.

– Чуть-чуть, – ответила Виола.

– И какова же твоя возлюбленная? – спросил он.

– Похожа на вас.

– Молода? – поинтересовался герцог.

– Почти что ваших лет, – ответила Виола.

– Слишком стара, ей-богу! – воскликнул герцог. – Жена должна быть моложе мужа.

– Вы правы, государь, – смиренно ответила Виола.

Вскоре Орсино снова пожелал отправить мнимого Цезарио к Оливии. Пытаясь разубедить его, Виола спросила:

– Что, если бы другая женщина полюбила вас так, как вы любите Оливию?

– Нет, так никто другой любить не может, – ответил гер-

цог.

– Мне известно, как способна полюбить женщина, – продолжала Виола. – У моего отца была дочь; она любила так, как я, быть может, полюбил бы вас, если б родился женщиной.

– Расскажи мне эту повесть! – воскликнул Орсино.

– В ней сплошь белые страницы, – ответила Виола. – Моя сестра и слова не проронила о своих чувствах. Любовь таилась в ней, словно червяк в бутоне розы, питаясь румянцем её щёк. Бледная, задумчивая, она вынуждена была улыбаться, скрывая любовную тоску Это ли не настоящая любовь?

– Что же, твоя сестра умерла от любви? – спросил герцог.

И Виола, которая на самом деле говорила о своей любви к нему, ответила:

– Из всей семьи остался только я,

И я теперь все дочери отца

И сыновья… хоть точно и не знаю…

Что ж, я отправлюсь к леди?

– Да, ступай же скорее! – воскликнул Орсино, мгновенно потеряв всякий интерес к её рассказу. – И передай ей от меня вот этот драгоценный камень.

И бедная Виола вновь отправилась к графине.

На этот раз Оливия, не в силах скрыть свою любовь, призналась в ней так честно и открыто, что Виола поспешно ушла, сказав напоследок:

– Прощайте же.

К вам герцога слезу
Я больше никогда не принесу.

Но Виола не знала, как велико в ней чувство сострадания.

И когда влюблённая Оливия прислала слугу, умоляя мнимого Цезарио прийти ещё раз, у Виолы не хватило решимости ей отказать.

В доме Оливии жил её дядя сэр Тоби со своим приятелем сэром Эндрю.

Этот сэр Эндрю, неумный и нелепый хвастун, сватался к Оливии, но та отвергла его. Видя, сколь благосклонна Оливия к простому пажу, он был вне себя от ревности и злости.

Сэр Тоби, старый весельчак и выпивоха, обожал шутки и

розыгрыши. Зная, что его друг – изрядный трус, он решил позабавиться: убедил сэра Эндрю вызвать пажа на дуэль и сам передал Цезарио вызов, когда тот выходил из дома Оливии.

Бедный паж пришёл в ужас:

– Тогда я вернусь в дом; я не боец!

– Нет, в дом вы не вернётесь, – решительно ответил сэр Тоби, – не то вам придётся сначала сразиться со мной.

Вид у него при этом был такой свирепый, что Виола предпочла не связываться с ним и дождаться сэра Эндрю. Наконец тот появился, тоже перепуганный до полусмерти, и незадачливые дуэлянты со страхом взялись за шпаги. Тут, к счастью для обоих, появились стражники – и трагикомическая дуэль не состоялась. Виола поспешно удалилась, а сэр Тоби пробормотал ей вслед:

– Бесчестнейший, дрянной мальчишка, да ещё и трусливый как заяц!

Тем временем Себастьян, брат-близнец Виолы, счастливо избежавший опасностей бушующего моря, благополучно приплыл в Иллирию, где решил явиться ко двору герцога. Когда он проходил мимо дома Оливии, откуда совсем недавно убежала Виола, его заметили сэр Эндрю и сэр Тоби – и, конечно же, приняли за трусливого Цезарио. Сэр Эндрю, набравшись храбрости, кинулся на него с кулаками.

– Вот тебе! – крикнул он.

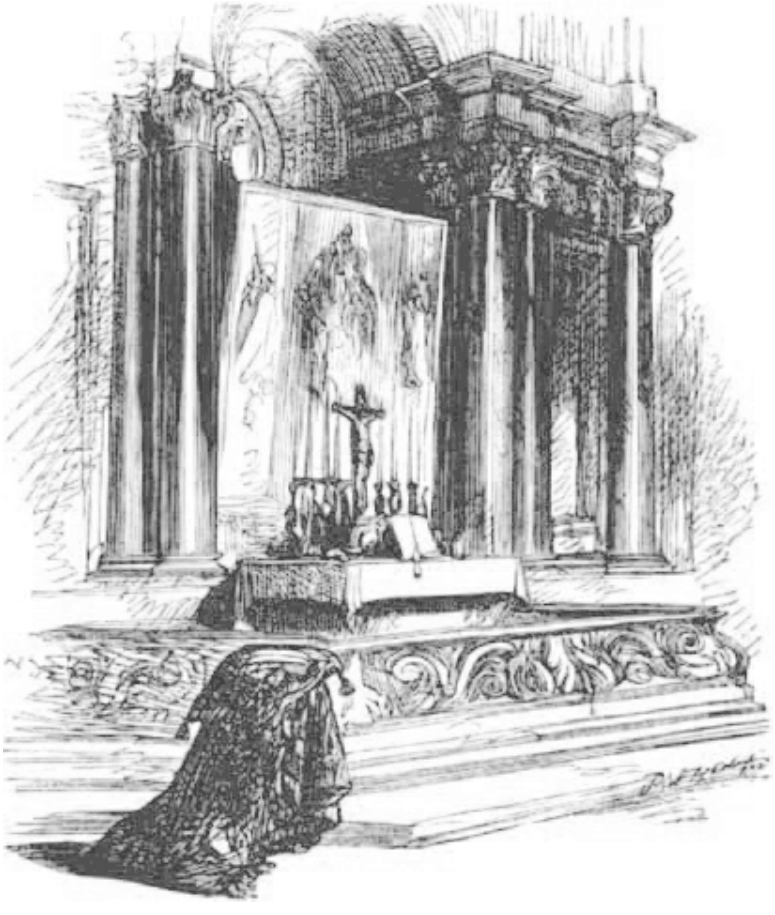
– А вот тебе, и вот, и вот, и вот! – ответил Себастьян, отвечая на удар ударом, и ещё одним, и ещё.

Сэр Тоби пришёл на помощь приятелю и схватил Себастьяна за руку. Тот вырвался и обнажил шпагу, готовый драться с обоими, – но тут на шум вышла Оливия, хозяй-

ка дома. Она выгнала дядюшку с его приятелем, осыпая их упреками, а затем обратилась к Себастьяну (которого она тоже приняла за Цезарио), умоляя его успокоиться и войти в дом.

Себастьян с радостью согласился: конечно, он был удивлён и растерян, но не мог устоять перед красотой и учтивостью Оливии. В тот же день они обвенчались: Оливия так и не поняла, что перед ней не Цезарио, а Себастьян и вовсе был уверен, что видит сон или грезит наяву.

Тем временем Орсино узнал, что вышло из визитов Цезарио, и отправился к графине сам, прихватив с собой пажа. Оливия встретила их перед входом в дом. Увидев того, кого она считала своим мужем, Оливия принялась упрекать Цезарио за то, что он так скоро её покинул; герцогу же она заявила, что его сватовство ей так же неприятно, как вопли после музыки.



– Вы всё так же безжалостны? – печально произнёс Орсино.

– Я всё так же постоянна, – отрезала Оливия.

Орсино пришёл в ярость и поклялся отомстить, убив её возлюбленного, Цезарио.

– Пошли, мальчишка! – приказал он пажу.

Виола, покорно следуя за ним, произнесла:

– Я тысячу смертей готов принять,
Чтоб вам покой и утешенье дать.

– Цезарио, муж мой, постой! – в ужасе вскричала Оливия.

– Ты её муж?! – гневно переспросил герцог.

– Нет, государь! – ответила Виола.

– Позовите священника! – велела Оливия.

Священник, лишь недавно обвенчавший Оливию с Себастьяном, подтвердил её слова.

– Ах ты двуличный щенок! – рассвирепел герцог. – Что ж, забирай её – но смотри больше не попадайся мне на пути!

Тут неожиданно появился окровавленный сэр Эндрю и принялся обвинять Цезарио в том, что тот разбил голову ему и сэру Тоби.

– *Вы это мне? Я ничего не знаю,* – уверенно ответила Виола, – *Вы без причины на меня напали,*

Но после вежливого разговора

Мы разошлись без всякого ущерба.

Конечно же, как она ни клялась, никто ей не поверил… И тут, к всеобщему изумлению, появился Себастьян.

– Я очень огорчён, что ранил вашего родственника, – сказал он жене. – *Простите мне, любимая, хотя бы во имя наших столь недавних клятв*.

Герцог, ошеломлённо переводя взгляд с Виолы на Себастьяна и обратно, воскликнул:

– Одно лицо, одна одежда, голос, –
И двое! Как в волшебных зеркалах!

– Родные братья не так похожи, как эти двое! – воскликнул кто-то. – Так который же из вас Себастьян?

– У меня нет братьев, – ответил Себастьян. – А сестру мою поглотили морские волны. Будь вы женщиной, – обратился он к Виоле, –

Я бы слезами облил ваши щёки,
Сказав: «Привет, погибшая Виола!»

Увидев брата живым, Виола невероятно обрадовалась и тотчас призналась, что она и есть его сестра. Слушая её поразительную историю, Орсино пожалел девушку – а как известно, от жалости до любви один шаг…

– Мой мальчик, ты твердил мне сотни раз,
Что я всех женщин для тебя дороже, – проговорил он.

– И эти речи повторю под клятвой, – ответила Виола, –
И эти клятвы сохраню в душе.

– Дай же мне руку и будь моей супругой и госпожой! –

радостно произнёс Орсино.

Так благородная Виола нашла своё счастье, Оливия обрела в Себастьяне любящее сердце и доброго мужа, а он в ней – верную и преданную жену

Много шума из нечего

19

На острове Сицилия есть город Мессина; там-то несколько веков назад и разыгралась эта забавная буря в стакане воды.

Всё началось с радостного события: испанский герцог дон Педро одержал победу над чужеземным войском. Он нанёс

---

[19] *…она слишком мала для большой похвалы…* – Из перевода А. Кронеберга. *Я бы не женился на ней…* – Из перевода Т. Щепкиной-Куперник; *Время тащится на костылях…* – Из перевода А. Кронеберга. Далее цитируется перевод Т. Щепкиной-Куперник.

врагам такое сокрушительное поражение, что позабылась даже страна, откуда они пришли. После тягот войны дон Педро решил отдохнуть в Мессине со своей свитой, в которую входили его сводный брат дон Хуан и два молодых итальянских аристократа, Бенедикт и Клавдио.

Бенедикт, весельчак и балагур, собирался всю жизнь оставаться холостяком. Зато его друг Клавдио, едва прибыв в Мессину, влюбился в Геро, дочь тамошнего правителя Леонато.

И тут случилось вот что. Июльским днём один человек по имени Борахио собирался окуривать сухой лавандой душную комнату в доме Леонато. Вдруг до него донеслись слова:

– Скажи мне прямо, что ты думаешь о Геро?

Это был Клавдио, который прогуливался с Бенедиктом в саду под окном. Борахио решил подслушать их разговор и устроился поудобнее.

– Скажу, что *она слишком мала для большой похвалы, слишком смугла для светлой и слишком низка для высокой*, – ответил Бенедикт. – Но будь она иной, она была бы нехороша.

– На мой взгляд, Геро прелестнейшая из девушек, – сказал Клавдио.

– А на мой – нет, – парировал Бенедикт, – причём я пока ещё обхожусь без очков. Зато её кузина Беатриче, не будь она такой ехидной, была бы настолько же прекрасней Геро, насколько начало мая прекрасней конца декабря.

Беатриче, племянница Леонато, обожала отпускать язвительные замечания в адрес Бенедикта, который называл её «милейшая Шпилька». Беатриче любила повторять, что родилась под пляшущей звездой и потому не может быть скучной.

Клавдио и Бенедикт всё ещё беседовали, когда к ним подошёл дон Педро и добродушно спросил:

– Что тут у вас за секреты?

– Сделайте одолжение, ваше высочество, заставьте меня говорить, – шутливо ответил Бенедикт.

– Повелеваю властью государя, – поддержал его шутку дон Педро.

– Ты слышишь, граф Клавдио?! – воскликнул Бенедикт. – Я умею хранить тайны, как немой, но уж если «властью государя», то вынужден ответить: он влюблён! Влюблён в малышку Геро, дочь Леонато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.